

18+

Ирина Зиновьевна
Мутовчийская

ТРИ КУМИРНИ

Медальон Гуан-ди

Ирина Мутовчийская

Три кумирни. Медальон Гуан-ди

«Издательские решения»

Мутовчийская И. З.

Три кумирни. Медальон Гуан-ди / И. З. Мутовчийская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701430-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ли
Вэй — мужчина из 21 века, Анна — девушка из 19 века, но волею судьбы эти
двое встречаются. Высокотехнологичный мир Китая 21 века и неторопливая
жизнь Владивостока конца 19 века все время меняют героев местами, иногда
время теряет четкость и пласты воздуха наслаиваются друг на друга, и тогда
уже невозможно понять, где прошлое, где будущее!

ISBN 978-5-00-701430-4

© Мутовчийская И. З.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Медальон Гуан-ди	7
Спектакль для бога войны	11
Конфликт	12
Перенос во времени	18
Я хочу рассказать правду	20
Человек из стойбища	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Три кумирни Медальон Гуан-ди

Ирина Зиновьевна Мутовчийская

© Ирина Зиновьевна Мутовчийская, 2026

ISBN 978-5-0070-1430-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Хмурое осеннее утро 2024 года во Владивостоке. Над Куперовской падью небо серое, морось обрисовывает шаги на асфальте улицы Октябрьской. Я, Ирина, шагаю к ДВФУ — к круглому зданию, где учусь в школе Конфуция. Третий этаж ждёт: дверь музея геологии слева, дверь Института Конфуция справа, коридор с аудиториями.

Открываю дверь класса. Ли Гао из Харбина — мой учитель, молодая, красивая, но уж очень серьёзная девушка, уже у доски — строгая, с маньчжурским акцентом. На доске мелом — «храм, связь времён», — говорит она. Киваю моим одноклассникам по обучению. Их много, больше тридцати человек — класс заполнен. Это взрослые люди, которые пришли учить китайский язык. У каждого — своя причина быть здесь. Сажусь, достаю тетрадь. Браслет с иглой акупунктуры касается ладони — привычка из моих занятий традиционной медициной.

Вдруг пол дрожит. Мел сыплется. Шариковая ручка в моей руке чертит кривую и ломается. Коридор школы Конфуция кружится, как в тайфуне. Запах тетради и шариковой ручки сменяется конским навозом, криками чаек и солью моря. Я падаю...

...на деревянный тротуар. Владивосток, Посьетская улица, 1884 год. Тело тяжёлое, борода чешется, руки загубели от верёвок. Я — Ли Вэй, молодой китаец из Шаньдуна. Рядом, в десяти минутах ходьбы азиатский квартал Миллионка: китайские лавки, русские матросы, дым от жаровен с говядиной. Но я знаю это место. Мой дом в 2024-м — на той же Посьетской, чуть дальше, за сопкой, прямо и с поворотом!

«Это сон? Или я правда здесь?» — думаю я современным голосом в голове Ли Вэя. Рядом рабочие тащат брёвна для первой кумирни. «Господин Ли, пристав зовёт! Снова запрет на строительство!» — кричит подручный. Я шокирована: под ногами — тот же город, но без школы ДВФУ, без современных домов, без машин. А в груди — знание: три переноса буддийского храма, то есть кумирни, ещё впереди...

Сердце колотится. «Я должна вернуться. Но сначала — пойму, зачем меня сюда забросило».

Медальон Гуан-ди

Был весенний полдень. Ли Вэй был в Пекине, он закончил свою работу раньше времени и теперь был свободен. Ему всегда нравилось бродить по рынкам и подземным лавкам Паныцзяюаня — самого большого антикварного рынка Пекина, где 48 тысяч квадратных метров кишат 10 тысячами торговцев, а витрины заставлены нефритовыми статуэтками, бронзовыми курильницами, свитками каллиграфии эпохи Цин и потрёпанными амулетами даосских мастеров. У Ли Вэя была такая слабость — в этих пыльных проходах, пропахших сандалом и жжёным сахаром от уличных торговцев, всегда попадались интересные вещицы: монеты с квадратным отверстием, lacquered шкатулки или фигурки львов-гонпо.

Свободное время выпадало редко, но сегодня, как я уже сказала, он закончил рано. Домой идти ещё не хотелось — дома в Шаньдуна его никто не ждал: у него не было ни девушки, ни жены. Сейчас Ли Вэй был в Пекине — приехал из Шаньдуна провести экскурсию для друзей из России. Он с удовольствием показал им Запретный город, угостил пекинской уткой в Quanjude и даже проводил в аэропорт. И вдруг понял: у него появилась свобода, образовалось свободное время.

Вернуться в отель сразу? Нет, время ещё не настало. Он решил пообедать в популярном ресторанчике у рынка — там подавали ламянь с говядиной и острым соусом, а за соседним столиком спорили коллекционеры о подлинности нефрита. После обеда Ли Вэй разрешил себе любимое занятие, отправился на Паныцзяюань — в лабиринт крытых павильонов и уличных рядов, где по выходным толкуются 70 тысяч человек: уйгуры с коврами, монголы с серебром, хуэй с буддийскими чётками.

Рынок был огромен, но сегодня ему попадались вещи, которые совершенно не трогали: потёртые династийные монеты, копии фарфора Цзяцзин, безделушки под старину. Это не испортило настроения. Пробежавшись глазами по соседнему магазинчику — там торговали сяньсуй (бессмертными эликсирами в бутылочках) и статуэтками Вэйто — Ли Вэй улыбнулся продавцу и поднялся по эскалатору на улицу. На открытых рядах антиквариат продавали те, кто не мог арендовать место внутри: под тентами на Huawei Li расстилали газеты с яшмовыми печатями, бронзовыми зеркалами и амулетами фу против злых духов. Уличная торговля тоже не была бесплатной — плата за павильон составляла 50 юаней в день.

Ли Вэй улыбнулся: оказывается, рано ему считать день законченным. Всё так же улыбаясь, он пошёл к выходу, и уже взялся за ручку ворот, как вдруг взгляд зацепился за старика. Тот не платил за место — продавал прямо на земле, под газетой Жэньминь жибао. Рынок затихал, мимо проходили, не глядя на товар: на газете лежали сломанные веера, потухшие курильницы, безымянные статуэтки. Ли Вэй тоже прошёл бы мимо, если б не красная искра на чёрном деревянном медальоне — лак цинла (красный лак Цин) мелькнул, как глаз дракона в луче внезапного солнца.

Ли Вэй отпустил ручку ворот и сделал шаг назад. Подойдя, сказал: (дедушка, здравствуйте) и попросил посмотреть вещь поближе.

Это был медальон. На первый взгляд — не очень старый, но посвящён Гуань-ди, богу войны, покровителю купцов и воинов. На чёрном фоне (резьба хуанхуал жёлтого сандала) Гуань-ди с алебардой цзегуандао, борода вьётся, глаза строгие. Красная точка — след кинко (золотого лака), символизирующего кровь полководца. Когда Ли Вэй взял медальон на ладонь, стало ясно: первое впечатление обманчиво. Вещь была очень старой — 200—300 лет, судя по трещинам и потёртостям. Отверстие для шелковой ленты цзиндай, вырезанные иероглифы на обороте: («Гуань-ди покровительствует»). По прикидкам Ли Вэя, цена — от 300 до 1000 юаней и выше.

Тяжело вздохнув, он подумал: наличных мало, но WeChat Pay работает. Обречённо усмехнулся, ожидая сумму. И вдруг почувствовал удивление: старик сказал — медальон стоит 30 юаней. Ли Вэй переспросил, подумав, что ослышался (300?30?). Старик терпеливо повторил:

— Я отдам вам медальон за 30 юаней, — он робко улыбнулся покупателю. — Нет денег с собой? Придержу до завтра.

— Нет, дело не в этом, — Ли Вэй нахмурился. — Почему так дёшево? Подделка?

— Почему подделка? — старик нахмурился. — Я торгую много лет. Никогда не продаю фальшивки.

— Простите, не хотел обидеть, — Ли Вэй сложил руки в цзубаошо (жест примирения). — Просто сразу видно, что это ценная вещь. Откуда медальон?

Старик поднёс вещь к солнцу, чтобы вещь блеснула:

— Привезли из Хайшэньвэя.

— Откуда-откуда? — Ли Вэй удивился.

— Из Хайшэньвэя, — старик погладил медальон.

— Этот город давно не так называют, — улыбнулся Ли Вэй. — Сейчас это Владивосток.

— Да-да, — кивнул старик. — все время забываю новое название.

— Оно не новое — этот город существует с таким названием с конца XIX века.

— Да-да, слышал. Господин, покупаете или нет?

— Конечно куплю. Но почему так дёшево?

— Не всё измеряется деньгами, молодой человек, — грустно улыбнулся старик. — Иногда вещь стоит дороже денег.

— Хорошо, беру, — Ли Вэй не вслушивался, ему вдруг ужасно захотелось обладать медальоном.

Старик получил свои 30 юаней наличными, а Ли Вэй сжал медальон. Наш герой уже уходил, когда старик тронул его за рукав:

— Пойдите. Когда всё кончится, продайте за ту же цену, что и купили, или отдайте за просто так.

Ли Вэй кивнул, он не собирался расставаться с только что купленным медальоном, улыбнулся и ушёл, насвистывая «Мо ли хуа». Он аккуратно опустил медальон в специальный карман, который предназначался для таких покупок. Опустил и решил, что вот сейчас действительно пора отправиться в отель. На какое-то время он отвлекся, а медальон в это время нагрелся в кармане...

Итак, медальон внезапно нагрелся. В ушах юноши раздался грохот гонгов, он ощутил даже запах сандала, потом женский смех, высокий девичий голос проговорил несколько слов на русском языке: «Почему опоздал? Ли Вэй, быстрее садись, спектакль уже начался!». «Кто она?» — подумал Ли Вэй, продолжая как во сне переставлять ноги. Его путь был к метро.

Анна

Пришёл в себя наш герой только в номере отеля. За окном уже стоял пекинский день — шумный, сухой, наполненный гулом машин, криками уличных торговцев, звонками велосипедов и далёким эхом города, который никогда не засыпает. Он совершенно не помнил тот путь, который проделал после того, как вышел из ворот антикварного рынка. В памяти был только последний миг: тяжёлая железная калитка в воротах, пыльная дорога, красные фонари на входе, запах старого дерева, лака и пыли, смешанный с ароматом жареных каштанов, которые продавали у выхода пожилые пекинцы. Ли Вэй был удивлён, что лёг спать прямо в рубашке и брюках. Вообще-то он никогда не позволял себе такое — спать в верхней одежде. Ну, всё когда-то случается в первый раз.

Проснувшись утром, наш герой не сразу понял, что доставляет ему дискомфорт. Однако, когда пришло время переодеваться в чистую одежду, он наконец понял, что произошло. В

какой-то момент медальон нагрелся так сильно, что его оттиск отпечатался на коже Ли Вэя. Нет, это место не болело, но доставляло странный дискомфорт. Наш герой никак не мог определиться, что конкретно его тревожит: как я уже говорила, ему не было больно, но оттиск, повторяющий очертания медальона на коже человека, всегда неприятен. Перед тем как уложить грязную одежду в чемодан, Ли Вэй вытащил из специального кармана рубашки заветный медальон.

Как только тот уютно устроился в ладони мужчины, голова Ли Вэя взорвалась множеством звуков. Кто-то бил в литавры, кто-то пел высоким голосом, голос дудки был таким пронзительным, что Ли Вэю захотелось заткнуть уши. А потом он услышал голос.

— Здравствуйте, — проговорил голос. — Меня зовут Анна. Вы помните меня? В тот день вы спасли меня от неминуемой гибели. Я шла, задумавшись о чём-то, наперерез пролётке. Ещё чуть-чуть — и пролётка сбила бы меня, вы вовремя среагировали. Мы тогда с вами познакомились, но я почему-то забыла ваше имя. Почему же вы молчите? Вы забыли меня? Я, Анна.

Ли Вэй пришёл в себя. Он был один в номере, стоял перед зеркалом, а сзади на кровати лежал его раскрытый чемодан. За окном мелькали верхушки пекинских платанов, слышался шум раннего утра, а где-то далеко, со стороны улицы, уже доносился гул подземки и тонкий свист электробусного тормоза. Мужчина разжал руку — медальон по-прежнему был в ладони. Мужчина покрутил медальон в разные стороны, а потом решительно положил его в чемодан.

Первое происшествие случилось в тот момент, когда мужчина вместе с чемоданом подошёл к ленте досмотра на вокзале. До отправления поезда в Шаньдун оставался час, и поэтому мужчина ни о чём не волновался и, в общем-то, не торопился. Пекинский вокзал жил своей особой жизнью: объявления громко разносились под высоким потолком, по залу плыли очереди пассажиров с термосами, пакетами и сумками, у киосков продавали воду, лапшу быстрого приготовления, семечки и маленькие пирожки баоцзы. У входа стояли люди с жёлтыми чемоданами, кто-то держал в руках билет, кто-то проверял паспорт, а над всем этим висел привычный вокзальный шум большого китайского города.

Итак, повторяю: он положил чемодан на ленту, а сам поднял руки, чтобы убедить, что он ничего противоправного не прячет на себе, и прошёл без проблем. Рамку он прошёл без проблем, а с чемоданом произошла заминка. Мужчину попросили открыть чемодан, он сделал это без возражений, уверенный в том, что в чемодане нет ничего, что могло бы привлечь внимание человека в форме. Действительно, углублённый досмотр показал, что ничего противоправного нет. В чемодане была только одежда и нижнее бельё.

После этого его попросили закрыть чемодан и ещё раз положить его на ленту. Однако и на этот раз результат был тот же. Система отсигналила, что с чемоданом что-то не то. Пришлось мужчине ещё раз открывать чемодан, вытряхивать всё до мелочи. Должностное лицо предложило такой выход из положения: вещи, которые вытащили, положить в пластиковый поднос, а чемодан застегнуть и опять поставить на ленту. На этот раз чемодан прошёл испытания без проблем. Значит, проблема была в вещах, которые находились внутри чемодана. Но как ни верти, пижама и несколько рубашек не могли вызывать резонанс, из-за которого мужчина никак не мог войти вглубь вокзала. Однако вещи не вызывали никакого сомнения в том, что они просто вещи, а не оружие для теракта.

Наш герой намекнул должностному лицу, что время идёт, и скоро должен прибыть его поезд. А с вещами из чемодана по-прежнему было всё непонятно. Должностное лицо ещё раз пересмотрело вещи, чемодан осмотрели вдоль и поперёк, но ничего противоправного не нашли и в этот раз. По-хорошему, конечно, нельзя было проходить внутрь вокзала, но багаж при ручном осмотре не вызывал никакой тревоги. Время шло, наконец должностное лицо дало отмашку. Увидев это, он открыл чемодан и вновь сложил в него вещи. Сопровождаемый внимательным взглядом административного лица, он, почти бегом отправился в том направлении, куда шли пассажиры, стремившиеся выйти на перрон к поезду.

К счастью, мужчина успел.

Чемодан был таким маленьким, что он смог забросить его в багажный отсек, который был над сиденьем. Поезд тронулся и поехал.

Поезд мягко покачивался, унося Ли Вэя из пекинского хаоса обратно в Шаньдун. За окном мелькали бесконечные поля пшеницы, солнечные панели на крышах деревень и высокоскоростные магистрали, переплетённые, как драконьи жилы. Шаньдун 2026 года — это не просто провинция, это витрина «Нового Китая»: портовые города Циндао и Яньтай блещут небоскрёбами, а в глубине провинции расцветают смарт-деревни — будущее, которое дышит традициями.

Ли Вэй жил в Яньцзинцунь — модельной смарт-деревне у Жёлтого моря, в 40 минутах от Циндао. В поселке жило 500 семей в белоснежных домах с зелёными крышами, где всё реагировало на 5G и IoT: умные дома с голосовым управлением («Сяо Ай, включи кондиционер»), дроны доставляют морепродукты с утреннего улова, солнечные фермы питают зарядки Tesla и электровелы, общий чат в WeChat: «Соседи, кто видел моего пса?», тайцзи-площадка с датчиками, считающими калории. Но под этим high-tech уютом — чистый Шаньдун: улочки пахнут соевым соусом, бабушки жарят цзяодзы у порога, вечером гремят эрхэнь под фонарями.

Через неделю Яньцзинцунь взорвался Фестивалем Дракона — главным событием лета. 10 тысяч человек собрались на площади: дракон длиной 50 метров из шёлка и бамбука, 100 человек внутри, барабаны гу гремят 120 ударов в минуту, львы скачут под цзинго, фейерверки яньхуа взрываются красным и золотым — цвета бога войны Гуаньди.

Ли Вэй в красной таньюань помогал нести дракона. Медальон висел на шее, нагреваясь всё сильнее. Толпа ревела: «Цай лун! Цай лун!»

И вдруг — разрыв.

Драконьи глаза вспыхнули алым. Барабаны сменили ритм на грохот гонгов 1888 года. Шаньдун исчез. Ли Вэй стоял на улице Светланской в городе Владивостоке. Брусчатка, стук подков, Владивосток. Газовые фонари шипят, лошади цокают, чуть вдали — кумирня на Посьетской. Перед ним — русская девушка с белой косой.

— Анна, — выдохнул он.

Медальон обжёг грудь. Моргнул — снова Шаньдун. Но в руке — билет на пароход 1888 года. Анна смотрит из толпы...

Кто она?

Спектакль для бога войны

Ли Вэй замер, сердце колотилось в ритме барабанов. Девушка из толпы смотрела прямо на него — те же глаза, что во сне, тот же платок, что в видении. Анна. Она окликнула его тонким голосом сквозь рёв «**Сы лун! Сы лун!**» («Давай, дракон! Давай, дракон!»), махнула рукой.

Он рванулся к ней, расталкивая зрителей, но вдруг вспомнил: он — одно из 20 звеньев дракона (**lóngmǎng duān** — звено дракона), шестой слева. Толпа надвинулась, голова дракона дёрнулась назад, товарищи зашипели: «**Wēi-zǐ, bú yào diào wěi!**» («Вэй-цзы, не роняй хвост!»). Руки вцепились в бамбуковый каркас, ноги сами пошли в такт **gǔ-gǔ** (барабаны гугу-гу).

Фестиваль закончился через час. Фейерверки **yànhuā** (фейерверки яньхуа) осыпали небо золотом Гуаньди, львы замерли, дракон свернулся у деревенского храма. Ли Вэй вырвался из толпы, протискиваясь через **liǎngmiàntiáo** (лапша лямянь) и продавцов **yándòu** (солёные орехи яньдоу). Оглядел площадь Яньцинцунь — Анны нет. Ни в красном платье, ни в платке. Только билет 1888 года тёплый в кулаке, бумага пахнет типографской краской и морем.

Развернул его дрожащими пальцами. Иероглифы «**Hǎishēnwēi — Fúladíwōsītókè**» («Хайшэньвэй — Владивосток») и цена «2 коп.» поплыли, как дым от курильницы **xiānglú** (курильница).

Разрыв.

Яньцинцунь исчез. Ли Вэй стоял в **lǐdēng xìtái** (переносной театр) — шатре из красного шёлка **hóng shā** (красный шёлк) на деревянном помосте **mùtái** (деревянный помост), разбитом напротив первого храма Гуаньди (Владивосток, Светланская/Посъетская, 1888). Почему напротив? Чтоб **Wǔshèng Guāndì** (Воин-святой Гуаньди) и боги с курильницами **xiānglú** (курильницы) наслаждались игрой.

Толпа горожан — купцы в косматках **màozi** (косматки), офицеры в мундирах, китайцы с трубками **yānpāng** (трубки) — гудела перед сценой. Актёры **zájù** (китайская опера цзацзюй) пели о подвигах Юэ Фэя, **xuéci** (сопрано сюэцы) выводила трели под **èrxian** (двухструнный инструмент эрсянь).

Ли Вэй сидел за низким gōngmù (деревянный стол гунму), напротив — Анна. 20 лет, русые косы под платком **tóupá** (платок), глаза цвета Балтики. Перед ними чай в **Jīngdézhēn** (Цзиндэжэньской) посуде, **cìzhōng** (засахаренные сливы цзычжун), **fúling** (сушёные грибы фулин), **lóngyǎn** (драконье глаз луньянь).

Она улыбнулась:

— Вы опоздали на **xuéci** (сопрано сюэцы), ли Вэй-сян. **Guāndì** (Гуаньди) уже смотрел.

Он не успел спросить «**Nǐ zěnmē zhīdào wǒ míngmíng?**» («Откуда ты знаешь моё имя?») — медальон под рубашкой снова обжёг...

Что дальше — спектакль или бегство из 1888-го?

Конфликт

Наш герой любил спектакли, где играли китайские актёры. Девушка Анна любила их ещё больше, чем он. Может быть, это кому-нибудь показалось бы странным, но Анна жила в этом городе уже три года и постепенно, сама того не осознавая, стала любить всё китайское. В этом сыграла свою роль и та причина, что она искренне любила своего красивого китайского юношу — Ли Вэя. Ли Вэй же в ответ нравилось многое в русском городе: русская речь, русские песни и, конечно, русские девушки. Вернее, ему нравилась одна русская девушка, которую звали Анной.

Сейчас, когда наш герой внезапно перенёсся в прошлое, он ощутил необыкновенное спокойствие, как будто сейчас действительно был там, где и должен был находиться. А тем временем спектакль дошёл до своей кульминации. Его русская девушка Анна переживала то, что происходит на сцене. Ли Вэй мягко дотронулся до рукава кофты, в которую была одета Анна. Кофта была расшита узорами в русском стиле и очень украшала Анну.

Я уже давала краткую характеристику Ли Вэю, теперь дам краткую характеристику русской девушке Анне.

Итак, русская девушка Анна. Анна была дочерью чиновника, которого перевели во Владивосток по делам службы из города Хабаровска. Мама Анны была домохозяйкой. Анне было 18 лет. Она не училась в гимназии, потому что отец хорошо зарабатывал и мог позволить себе наёмных учителей. Наёмные учителя приходили по расписанию прямо домой, чтобы девушка могла получить достойное образование. Кроме учителей, у Анны была наставница — гувернантка-француженка, от которой Анна научилась французскому языку.

Анна была умной девушкой, читала серьёзные книги, в том числе книги писателя с загадочной русской душой — Достоевского, а ещё читала книги на французском языке. Отцу Анны не нравилось, что его дочь дружит с китайским юношей, но пока его дочь ограничивалась просто дружескими отношениями с китайцем, он не вмешивался, хотя по вечерам, придя со службы, он долго и недовольно высказывал свои мысли по поводу дружбы дочери с китайцем своей жене. Он считал, что если жена занимается хозяйством в доме и воспитанием дочери, то должна строже воспитывать Анну.

Юноша Ли Вэй приехал на заработки во Владивосток в поисках хорошей жизни. Дома, в городе Шаньдун, работы не было — это был тот переломный момент, когда его страна — Китай переживала нелёгкие времена. Наш герой не сразу решился уехать, но ситуация, которая сложилась дома (с вашего разрешения, я расскажу об этой ситуации чуть позже), вынудила юношу принять решение. К тому же наш герой не просто так ехал к человеку, который поможет, объяснит и даст место проживания. Этот человек был родным дедушкой нашего героя книги. Из-за проблем в семье, о которых я уже говорила, дедушка несколько лет назад вместе с другими китайцами оставил родной дом и уехал на заработки в город Владивосток. Иногда Ли Вэй получал весточку от деда, когда китайцы, друзья его деда возвращались ненадолго в Шаньдун. Читая письма деда, Ли Вэй представлял город Владивосток — место, где мечты могут сбыться. Действительно, город Владивосток того времени был местом, где можно было хорошо заработать, если ты честный и трудолюбивый. Ли Вэй именно таким и был.

Но хватит характеристик, думаю, пришло время вернуться туда, где наслаждались игрой китайских актёров в спектакле китайский юноша и русская девушка. Как я уже говорила, Анна приехала в город Владивосток три года назад, но это не значит, что она познакомилась с китайским языком только по приезде во Владивосток. В Хабаровске тоже было много китайского, было много китайцев, и среди них были китайские девушки. Да, в Хабаровске у Анны осталась подруга — девушка-китаянка. С этой подругой Анна дружила 2 года, она познакомилась с ней, когда самой Анне было 13 лет. Подруга Анны была мастером восточных единоборств и

научила Анну приёмам самообороны, чтобы Анна могла защищать себя. По приезду в город Владивосток Анна часто вспоминала свою китайскую подругу, но делать было нечего — семья следовала за главой, отцом Анны, и, если отца Анны из Хабаровска перевели во Владивосток, нужно было просто привыкнуть к этому городу у моря, к Владивостоку.

Девушка Анна пила чай, ела засахаренные фрукты и наслаждалась игрой китайских актёров. Она так увлеклась спектаклем, что даже забыла о своём спутнике — китайском юноше Ли Вэе. Однако юноша не смотрел на сцену: спектакль был прекрасный, но его более интересовала девушка, которая сидела рядом с ним.

Анна действительно была прекрасна: светлые волосы, почти белые, были заплетены в одну большую длинную косу, а голубые глаза никогда не лгали — эти глаза выражали всё, о чём думала девушка, эти глаза смотрели с доверчивостью на весь окружающий мир.

Ли Вэй любил эту девушку, но ещё ни разу не говорил ей о своей любви. Наш герой боялся спугнуть первое чувство, которое зарождалось в его груди. Он так же надеялся, что Анна питает к нему что-то большее, чем дружбу. Спектакль закончился, впрочем, после небольшого перерыва должен был начаться другой спектакль. Девушка хотела посмотреть и другой спектакль, но Ли Вэй мягко потянул её к выходу. Ему нужно было идти на работу, а оставлять Анну одну здесь он не хотел. Он знал, что Анна находится в своём русском городе, её вряд ли кто-то обидит, однако во время спектакля он поймал взгляд одного богатого китайца, который смотрел оценивающе на русскую девушку. Китаец сидел вместе со слугами на балконе, который был не высоко над сценой. Этот балкон назывался ложей — эта ложа была отделена от других и богато украшена. Так вот, во время просмотра спектакля наш герой несколько раз, а точнее три раза, ловил взгляд этого китайца, направленный на девушку Анну.

Но спектакль, как я уже сказала, закончился, и герой вместе со своей девушкой вышел на улицу. В отличие от русских театров, где во время спектакля двери закрыты, дверь китайского театра во время спектакля была не просто открыта, а распахнута во всю ширь. Анна обратила внимание на это обстоятельство и спросила своего друга Ли Вэя, почему во время спектакля двери остаются открытыми на улицу?

Ли Вэй сказал, что двери китайских театров не всегда остаются открытыми. Дело в том, что-то место, где сейчас расположился переносной театр, было особенным: напротив того места, где стоял временный театр, была кумирня — первая кумирня, которую построили купцы в городе Владивостоке. Для тех, кто не знает, что такое кумирня, я объясню. Кумирня — это буддийский храм, место, где китайцы могут поклониться тому божеству, именем которого названа эта кумирня. Эта кумирня была посвящена богу войны Гуан-ди.

— Ну хорошо, — засмеялась Анна, — про кумирню я всё понимаю, но я так и не поняла, почему двери театра-то остались открыты?

— Прости, — наш герой убрал зелёный листок, упавший на плечо его девушки, — это моя вина, я плохо тебе объяснил. Объясняю ещё раз: мы, китайцы, верим в то, что боги всё видят и слышат, и чтобы порадовать богов, что в город приехал китайский театр, мы держим во время спектакля двери открытыми, чтобы боги, которые живут в нашей кумирне, могли тоже насладиться спектаклем. Ты поняла то, что я объяснил?

— Да, — Анна кивнула, — теперь мне всё понятно. Наверное, мне пора домой, приближается время обеда, скоро на обеденный перерыв придёт мой папа, а он не любит, когда меня нет за общим обеденным столом.

— Хорошо, — Ли Вэй ободряюще улыбнулся девушке, — я провожу тебя домой.

Они шли к дому Анны и говорили обо всём подряд. Анна рассказывала сюжет книги, которую дочитала вчера, рассказала, что было у неё на завтрак, а также ей очень захотелось рассказать о слухах, которые передавали жители города Владивостока.

Наш герой с удовольствием слушал то, что говорила ему его девушка. Иногда он отключался, просто любуясь губами девушки, прекрасным мелодичным голосом Анны, который зву-

чал как песня. Но последняя информация заставила его сосредоточиться. Девушка рассказала о том, что жители города Владивостока боятся китайских бандитов хунхузов, и поэтому по решению губернатора в город прибыл отряд казаков. Наш герой как мог успокоил свою девушку и сказал, что это просто слухи, город Владивосток укреплен слишком хорошо, чтобы на него кто-то напал. Вот так за разговором они и дошли к дому Анны.

Наш герой знал, что отец Анны не одобряет дружбу девушки с китайцем, поэтому юноша проводил девушку к воротам, убедился в том, что она зашла внутрь дома, и тут же отошёл от дома. Ему абсолютно ни к чему были проблемы. К тому же ему действительно пора было уже идти на работу. Давайте я расскажу вам, чем занимался герой во Владивостоке, каким образом он зарабатывал себе на жизнь.

Рабочий день Ли Вэй состоял из трёх частей. Утром и до полудня он работал учеником и помощником у доктора Вонга, обучался китайской медицине и травам. Потом у него был небольшой перерыв — ровно столько времени, чтобы дойти до дома, где жил его дед. С одной стороны дома был магазинчик, где работал дед, с другой стороны было жилое помещение — именно там жил его дед, а вместе с ним его внук, наш герой книги Ли Вэй. Иногда, когда появлялось свободное время, Ли Вэй работал как сезонный рабочий: помогал рыбакам сортировать улов рыбы или помогал строить дома. Город Владивосток рос, и услуги строителей ценились очень высоко.

Чем же он занимался в лавке деда, спросите вы? Ли Вэй помогал деду продавать чай, шёлк, традиционные китайские лекарства. Я думаю, вы уже получили достаточно информации о нашем главном герое и героине, пришла пора переходить к действию.

То утро не предвещало ничего плохого. Господин Вонг заранее сообщил своему ученику, что несколько дней его врачебный кабинет будет закрыт по той причине, что господину Вонгу нужно вернуться ненадолго домой, в Китай. Наш герой понял, что у него образовалось немного свободного времени. Как вы понимаете, он не собирался отдыхать, наоборот, то время, которое у него освободилось, он решил использовать во благо, он стал думать о том, где бы ещё найти работу пока есть свободное время. Работа нашлась: его друг китаец-рыбак попросил помочь отнести несколько ящиков рыбы на центральный рынок. Рынок был в центре города, на улице Светланской. Собственно говоря, рынков было два в то время в городе Владивостоке: один рынок находился прямо на берегу моря, второй же рынок был в центре города, как я уже говорила, на улице Светланской.

Анна была любопытной девушкой. Узнав, что её друг господин Ли Вэй утром будет работать на рынке в центре города, она сообщила своему другу, что вместе со служанкой тоже придёт на этот рынок. Ли Вэй пытался отговорить подругу, он считал, что девушке из хорошей семьи не место на рынке, где может произойти всякое. Однако Анна засмеялась и сказала, что никогда не была на этом рынке, и раз её друг будет там, то ей ничего не будет угрожать.

Однако произошло вот что, Ли Вэй помог другу принести несколько ящиков с рыбой и даже согласился побыть какое-то время продавцом рыбы, пока его друг будет занят тем, что отправится за очередными ящиками рыбы. Всё было нормально. Ли Вэй продавал рыбу, вокруг был огромный рынок, где продавали свою продукцию китайцы и корейцы. Наш герой знал, что Анна тоже здесь, на рынке — полчаса назад она подошла и поздоровалась с ним. Рядом с Анной действительно была служанка, и хоть было очень тревожно, что две девушки без охраны по рынку ходят одни, он не стал ничего говорить Анне, чтобы не показаться ей занудой.

Катастрофа произошла через полтора часа после того, как наш герой начал работать продавцом на рынке. Послышался какой-то шум, брэнчание оружия, громкие голоса — на рынок пришли казаки, которые с недавнего времени патрулировали город Владивосток. Однако это абсолютно не напрягло нашего героя, ему было нечего бояться. Но опасность была совсем рядом: к рыбным рядам, где торговал Ли Вэй, подошли два человека — это были казаки. Один из казаков был в плохом настроении. Весь вчерашний день он провёл в трактире, выпил много

спиртного, в результате этого его голова сейчас трещала и болела. Казак был раздражён — ему хотелось сейчас спать, но он был вынужден патрулировать рынок.

В этот момент к рыбным рядам, где Ли Вэй аккуратно раскладывал свежую сёмгу, подошёл коренастый казак лет сорока. Чуб седеющих волос выбивался из-под кубанки, шинель расстёгнута, на поясе — пашка и нагайка. Лицо красное, глаза налиты кровью — явный вчерашний запой в трактире «Золотой рог».

«Эй, китаец! Сёмужки дамской дай, полфунта,» — прохрипел казак, тяжело опираясь локтем на прилавок.

Ли Вэй вежливо поклонился, привычным движением взял весы с медными гирьками. «Русский офицер покупает — хорошо. Платит — ещё лучше,» — подумал он, ловко отрезая кусок серебристой рыбы. Тонкие пальцы работали быстро: сёмга легла на весы, гирька 200 золотников встала ровно, напротив.

«Два рубля десять копеек, господин казак,» — Ли Вэй аккуратно завернул рыбу в газету, протянул покупателю.

Казак лениво взял свёрток, повертел в руках, понюхал. Затем вдруг швырнул рыбу обратно на прилавок:

«Чё такую цены загнул, китаец? За рыбью падашь! Да я за такие деньги тёлку целую куплю!»

Ли Вэй замер. Вежливо, но твёрдо объяснил: «Цены общие, квитанция вчера оплачена. Господин рыбак сказал — два рубля.»

«Квитанция ему!» — казак вдруг схватил Ли Вэя за воротник куртки, рванул к себе через прилавок. «А ну, давай сюда всю рыбу! За покой твоего китайского бога! Иначе щас в каталажку пойдёшь — за спекуляцию и неповиновение!»

Лицо казака оказалось в трёх вершках от лица юноши. От него несло перегаром и луком. Ли Вэй инстинктивно сжал медальон Гуан-ди под рубашкой — «Дедушка говорил: не сопротивляйся силе, но и не сдавайся без боя».

«Эй, Семеныч! Тут китаец буянит!» — заорал казак, повернув голову к патрулю.

Второй казак — молодой, лет двадцати пяти, с рыжими усищами — протолкался через толпу зевак. «Чё орёшь-то? А, это... рыбацкий. Похоже, без документов. Пакут их щас всех.»

Рынок замер. Торговки шушукались, корейцы прятали товар под прилавки. Ли Вэй понимал: сейчас потащат в полицию. Китаец без документов — месяц в карцере минимум. Деньги деда на взятку уйдут.

И тут сквозь гул толпы пробился звонкий девичий голос:

«Отпустите его немедленно! Это мой домашний слуга!»

Все головы повернулись к голосу. К прилавку стремительно шла Анна — светлая коса хлещет по спине, голубые глаза горят. За ней семенила перепуганная служанка с корзинкой. Анна уже собиралась домой, но шум услышала за два ряда от рыбного.

«Ли Вэй, я же сказала тебе не ждать!» — театрально возмутилась она, становясь между казаком и юношей. «Папенька просил рыбы к обеду, а ты опять с покупателями споришь!»

Казак Семеныч разинул рот. «Дочка-то... благородная. Платье парижское, перчатки...»

«Простите, барышня... это ваш?» — он ослабил хватку.

«Конечно, мой! Заменял нашего рыбака на пол часика, пока тот за льдом ходил. Папенька — Михаил Петрович Михайлов, портовый чиновник. Знаете, такого?»

Михайлов. Фамилия ударила казака как пощёчина. Портовый отдел — те ещё волки. Начальник Михайлов на прошлой неделе двоих казаков на разводе отчитал за пьянство.

Молодой казак деликатно кашлянул: «Семеныч, в общем... рыбный ряд. Не наше дело. Пошли, Михалыч ждать будет.»

Семеныч сплюнул в пыль, буркнул: «Ладно, манза, живите пока. Рыбу — барышне в подарок.» И, развернувшись, потащил напарника прочь.

Толпа загудела. Торговки заулыбались: «Вот это барышня! Казака на место поставила!» Анна повернулась к Ли Вэю, шепнула: «Спина целая? Не больно?»

Ли Вэй коснулся медальона под рубашкой и прошептал. «Гуан-ди помог. И ты помогла.» «Больше никогда не спорь с ними. Возьми,» — она сунула ему два рубля. «За рыбу.

Отдашь другу.»

Ли Вэй хотел отказаться, но увидел в её глазах тревогу. Взял монеты, кивнул: «Спасибо, Анна. Я запомню этот долг.»

Анна улыбнулась, взяла свёрток с рыбой: «До завтра. И без казаков!»

Она ушла, покачивая корзинкой. Ли Вэй смотрел ей вслед, чувствуя, как сердце бьётся чаще обычного. «Домашний слуга, я, значит. Но спасла, как принцесса.»

На следующий день произошло опять нечто неприятное. Дедушка сообщил внуку, что русские власти города распорядились донести до китайского населения, что кумирня должна быть снесена. Китайские купцы были в недоумении: они не могли понять, кому могла помешать кумирня? Первая кумирня Гуан-ди на Светланской, построенная в 1880 году, была святыней для всех китайцев Владивостока. Купцы жертвовали по 100 рублей с прибыли, дым от курильниц её видел весь рынок.

Выбрали самых уважаемых купцов, и было решено организовать встречу между купцами и главой города. Однако глава города распорядился выбрать из купцов самого уважаемого — именно он будет агентом и именно он должен будет впоследствии, после разговора с главой города, донести решение русских властей до китайских купцов. Выбор пал на дедушку нашего героя Ли Вэя. Деда уважали все, даже китайские бандиты хунхузы.

Дедушка хотел отказаться от такого высокого назначения, мотивируя тем, что он уже стар, но китайское собрание приняло решение, и решение было отменить нельзя.

Конечно, дедушка пошёл не один — его сопровождала группа китайцев, среди которых был, конечно, и внук Ли Вэй, а также к этой группе был приставлен переводчик. Однако, когда пришло время деду и переводчику войти в кабинет, где находились представители главы города, дедушка сказал, что он никуда не пойдёт, если рядом с ним не будет идти его внук. Китайские сопровождающие посоветовались, и вскоре дедушке было разрешено взять с собой Ли Вэя.

Разговор был достаточно коротким. До китайцев донесли информацию, что кумирня будет снесена по той причине, что в городе до сих пор ещё не построен православный русский храм на каменной основе. Как альтернатива китайским купцам было предложено снести эту первую кумирню и построить другую. Предложили построить кумирню не очень далеко от первой, в том месте, где растёт высокая трава — это место так и называлось Фельдшерский покос.

На первый взгляд, у китайцев не было выбора — документ, который им вручили, был подписан главой города. Но дедушка всё-таки решил попробовать поменять ситуацию. Он встал и попросил переводчика точно перевести его слова. Дедушка попытался объяснить представителям города, что место, где находится кумирня, становится священным: не только стены кумирни, но и земля, которая находится под полом кумирни, становится священной и магической. Есть способ перенести свет и магию, которая скопилась в воздухе за годы работы кумирни, в другое место, но для этого нужно будет вызвать во Владивосток определённого человека. И только после ритуала, который проведёт этот человек, можно будет переносить кумирню на другое место.

Представители главы города сказали, что похлопочут о том, чтобы кумирню не сносили в ближайшие дни, но заинтересовались в свою очередь, сколько времени понадобится представителю китайского купечества, чтобы вызвать во Владивосток того человека, о котором идёт речь. Дедушка сказал, что на решение и согласование уйдёт каких-то полгода, но это в том случае, если за нужным человеком поедет тот, кто не посвящён в тайну. Если же русские власти

разрешат отправить гонцом посвящённого человека, то проблему переноса кумирни можно уложить в три месяца.

Чтобы не продолжать дальше мой рассказ о том, что происходило в том кабинете, я расскажу вам, чем закончился разговор. Было решено отправить туда, где живёт человек, способный помочь в этой проблеме переноса света, внука дедушки — Ли Вэя. Ли Вэй знал хорошо русский язык и китайский язык и был посвящён в тайны переноса. Русские власти, узнав о том, что время переноса кумирни можно сократить с полугода до трёх месяцев, были согласны на всё. Дедушке пообещали, что за нужным человеком отправят именно его внука, раз дедушка так хочет.

Однако дедушка сказал, что его внук приехал только недавно и у него ещё нет документов, разрешающих проживать во Владивостоке. Представитель главы города сначала нахмурился, но потом, подумав, сказал, что документ оформят внуку дедушки в ближайшую неделю.

Неделя пролетела быстро. Когда у Ли Вэя оказался документ, удостоверяющий его личность, пришло время покупать билет на пароход. Перед тем как уехать, Ли Вэй решил встретиться с Анной. Она знала обо всём, что происходит в китайской общине, но не знала, что Ли Вэю удалось купить билет на пароход, который уходит завтра.

Ли Вэй должен был встретиться с Анной в Адмиральском сквере в центре города. Он издали увидел голубое платье девушки и поднял руку с билетом, чтобы помахать Анне, однако билет вдруг выскользнул из пальцев и упал. Наклонившись, чтобы поднять билет, Ли Вэй увидел, что к Анне подошли два китайца и что-то говорят, а потом один из китайцев схватил Анну за руку и с силой потянул за собой. Ли Вэй машинально поднял билет, хотел кинуться на помощь к Анне, но вдруг почувствовал, что какая-то сила вдруг оторвала его от земли города Владивостока.

Перенос во времени

Ли Вэй очнулся дома, и система (zhōngnéng jiājū — умный дом) почти сразу почувствовала в своём хозяине что-то странное, непонятное, не похожее ни на усталость после работы, ни на обычное недомогание. Она уже три раза, через равные промежутки времени, спрашивала Ли Вэя, не нужно ли вызвать врача или скорую помощь, но Ли Вэй молчал. Перенос в настоящее был слишком стремительным и слишком тяжёлым: какое-то время он не мог говорить и даже забыл собственное имя. Всё, что он сейчас мог, — добраться до постели и лечь. Ни о каких повседневных делах, вроде умыться, поесть или хотя бы подняться на ноги, речи не было. Система **умный дом** снова задала свой вопрос и, не получив ответа, сообщила хозяину, что, если он не отреагирует в течение минуты, будет нажата красная кнопка, после которой в квартиру должны будут прибыть спасатели. Нашему герою было плохо не только физически, но и эмоционально, однако встреча со спасателями совсем не входила в его планы. Откашлявшись, он проговорил:

— Я в порядке. Мне не нужны спасатели.

В комнате повисла тишина, Впрочем, ненадолго. Не прошло и двух минут, как система (zhōngnéng jiājū — умный дом) снова подала голос:

— Господин Ли Вэй, ваш пульс учащён, и ещё несколько показателей в вашем организме далеки от нормы. Вам нужно немедленно обратиться к врачу, иначе...

Ли Вэй понял, что система умного дома сегодня его не оставит в покое. Ему нужно было обдумать всё, что с ним произошло, а механический голос — женский голос, который он сам выбрал, когда вселялся в этот дом, — не давал ему сосредоточиться ни на секунду. Наконец, пересилив себя, он с трудом проговорил:

— Не нужно так волноваться, с моим здоровьем всё в порядке. Докажу тебе это: сейчас оденусь и выйду на улицу.

— Хорошо, господин Ли Вэй, — ответила система **умный дом**. — Я рада, что у вас всё в порядке. Когда вы выйдете из дома, я хотела бы попросить вас надеть смарт-часы. Они помогут мне оставаться с вами на связи и следить за вашим здоровьем.

Ли Вэй молча сгреб часы, положил их в карман, после чего шагом, почти бегом, вышел из квартиры. Ему нужно было время, тишина и воздух, чтобы понять, где он оказался, что случилось с Анной и есть ли у него хоть какая-то возможность вернуться в тот самый миг, из которого его перенесло. Но никто не спешил отвечать на вопросы, которые он сам себе задавал. Всё было спокойно и прекрасно. Наступал вечер. На площади рядом с парком, где сидел наш герой, играли дети, взрослые занимались на тренажёрах, а старички и старушки уже вышли на свои вечерние танцы. Парк был частью нового, аккуратного и очень удобного (zhìhuì shèqū — умный поселок), где всё было устроено так, чтобы человеку не приходилось ни о чём лишний раз беспокоиться: ровные дорожки, мягкий свет фонарей, камеры наблюдения на углах, электронные табло у входов и тихие дворики, в которых дома стояли так, будто их специально выстроили в едином ритме.

Сам дом Ли Вэя тоже выглядел необычно. Это был не просто современный дом, а настоящий китайский интерьер в новом исполнении: тёплые деревянные панели, лаконичные ширмы в духе старинных домов, узкие резные решётки на окнах, светлые стены, красновато-коричневая мебель с плавными углами и низким силуэтом, круглый столик у окна, на котором всегда стояла чайная чашка, и настенная каллиграфия, которую Ли Вэй когда-то повесил сам. В углу комнаты стоял небольшой алтарный столик с чашей для благовоний, рядом — тёмная лакированная полка, на которой лежали книги, амулеты и несколько вещей, привезённых ещё из старого китайского дома. В такой комнате даже тишина звучала по-особенному: мягко, глубоко, будто стены помнили чужие разговоры и хранили их в себе.

Отдышавшись, Ли Вэй дотронулся до горла. Когда он разговаривал с системой **умный дом**, он сначала даже не узнал свой голос: связки выдавали только шёпот и скрип. Проговорив в пространство несколько слов, он убедился, что голос пока к нему не вернулся. В кармане настойчиво сигналили часы, намекая, что хозяину пора бы их надеть. Телефон тоже надрывался, прямым текстом выкрикивая сообщения, что часы теперь не сопряжены с телефоном, а это неправильно, и, если хозяин в ближайшее время... Но Ли Вэю надоело, что механический разум пытается ему диктовать, как жить дальше, и он просто выключил и часы, и телефон. Как выключить систему (**zhìnéng jiājū** — умный дом), он не знал: она работала ещё до того, как он вселился в этот дом.

Домой возвращаться не хотелось совершенно, поэтому Ли Вэй, несмотря на то что уже был вечер, поймал такси и поехал туда, где его всегда ждали, — домой, в тот дом, где он родился и жил до того момента, как закончил школу и поступил в университет. Мать, конечно, обрадовалась его визиту, но удивилась, что он приехал так поздно, и даже начала волноваться, спрашивая, не случилось ли чего. Ли Вэй сказал, что заболел, что ему трудно говорить, поэтому попросил просто оставить его отдохнуть в своей комнате, чтобы никто не тревожил его вопросами. И вот, наконец, это случилось: Ли Вэй остался один в тишине, и у него появилась возможность подумать о том, что с ним произошло.

Ли Вэй хотел позвонить русскому другу, который часто присылал туристов, чтобы Ли Вэй провёл им экскурсию. Наш герой уже совсем вытащил телефон из кармана, но так и не включил его. Если бы он позвонил русскому другу, пришлось бы начать разговор с пустяков, то есть говорить ни о чём, а сейчас ему это было противопоказано: горло у Ли Вэя ещё не позволяло говорить, как следует. Но его очень интересовал один вопрос: была ли среди туристов, присутствовавших на празднике, Анна, и если да, то почему она не подошла к нему после праздника. Впрочем, все эти вопросы Ли Вэй мог задать русскому другу не только по телефону. В WeChat можно было не только звонить, но и переписываться. Он ещё раз вытащил телефон, даже включил его, но сил ни на звонок, ни на разговор уже не было. Рука опустилась, телефон упал на пол, а Ли Вэй почувствовал, как сон затягивает его в свою воронку.

Сквозь сон он слышал звонок, чувствовал, что в комнате он не один, что кто-то ответил по его телефону, кто-то пытался его разбудить, но сам он всё глубже и глубже проваливался в сон. Потом до него донёсся высокий, нежный голос Анны. Девушка что-то напевала, затем перестала и, повернувшись к кому-то, сказала:

— Да, он уплыл на пароходе.

Ли Вэй пытался пробиться сквозь волны сна к своей любимой, рвался к ней, плыл и кричал:

— Анна, я здесь, я не уплыл на пароходе!

Нашему герою показалось даже, что Анна его услышала: во всяком случае, она повернула голову в его сторону. Но в этот момент что-то произошло.

Я хочу рассказать правду

Ли Вэй замер, сердце колотилось в ритме барабанов. Девушка из толпы смотрела прямо на него — те же глаза, что во сне, тот же платок, что в видении. Анна. Она окликнула его тонким голосом сквозь рёв «Цзы лин! Цзы лин!» («Давай, дракон! Давай, дракон!»), махнула рукой.

Он рванулся к ней, расталкивая зрителей, но вдруг вспомнил: он — одно из 20 звеньев дракона (лун дэн дуй — звено дракона), шестой слева. Толпа надвинулась, голова дракона дёрнулась назад, товарищи зашипели: «Вэй-цзы, не роняй хвост!» Руки вцепились в бамбуковый каркас, ноги сами пошли в такт гу-гу-гу (барабаны).

Фестиваль кончился через час. Фейерверки яньхуа осыпали небо золотом Гуаньди, львы замерли, дракон свернулся у деревенского храма. Ли Вэй вырвался из толпы, протискиваясь через лапшу лямян и продавцов яньдоу. Оглядел площадь Яньцинцунь — Анны нет. Ни в красном платье, ни в платке. Только билет 1888 года тёплый в кулаке, бумага пахнет типографской краской и морем.

Развернул его дрожащими пальцами. Иероглифы «Хайшэньвэй — Владивосток» и цена «2 коп.» поплыли, как дым от курильницы сянку.

Разрыв.

Яньцинцунь исчез. Ли Вэй стоял в ли дун ситай (переносной театр) — шатре из красного шёлка хун ша на деревянном помосте му тай, разбитом напротив первого храма Гуаньди (Владивосток, Светланская/Посьетская, 1888). Почему напротив? Чтоб Воин-святой Гуань-ди и боги с курильницами наслаждались игрой. Контраст поражал: снаружи — грязные улочки приморского города с запахом рыбы и угля, повозки на ухабах, редкие фонари в тумане; внутри шатра — яркий свет масляных ламп, густой дым благовоний, восторженный гул смешанной публики: русские офицеры в шинелях, китайские купцы в халатах, местные жители с трубками. Это был оазис древнего Китая посреди чужой эпохи и страны, где цзацзюй-опера переносила в мир героев прошлого.

Толпа горожан — купцы в косматках мао цзы, офицеры в мундирах, китайцы с опиумными трубками яньпан — гудела перед сценой. Актёры цзацзюй пели о подвигах Юэ Фэя, сюэцы выводила трели под эрсянь.

Ли Вэй сидел за низким гунму, напротив — Анна. 20 лет, русые косы под платком, глаза цвета балтики. Перед ними чай в Цзиндэчжэньской посуде, цзычжун, фулин, луньянь.

Она улыбнулась:

— Вы опоздали на сюэцы, ли Вэй-сян. Гуань-ди уже смотрел.

Он не успел спросить: «Ны чжэньмэ чжидао во дэ миныцы?» («Откуда ты знаешь моё имя?») — медальон под рубашкой снова обжёг...

Ли Вэй не сразу осознал: он был в настоящем, в прекрасном настоящем парка в Яньцинцунь, где воздух пропитан ароматом цветущих магнолий и жареных каштанов, зелёные аллеи парка усыпаны лепестками, семьи на пикниках под сакурами, дети запускают воздушных змеев в форме драконов, а на центральной площадке гремит фестиваль с танцами львиных голов и ритмичными барабанами. Но в этом прекрасном настоящем рядом не было той, кого он так любил — его девушки Анны. Думая о случившемся, он вдруг вспомнил лицо другой девушки, которое мелькнуло в толпе, когда Ли Вэй был участником праздника. Эту девушку тоже звали Анной, но эта девушка была женой его лучшего русского друга. Во время редких встреч, когда его русский друг приезжал на экскурсию, его жена Анна чаще всего молчала, иногда она улыбалась, когда взгляды встречались, но чаще всего, так как жена его друга не говорила по-китайски, она молчала. Тем удивительнее было то, что Анна, жена его друга, ока-

залась одна на празднике среди толпы. Скорее всего, конечно, это было совпадение, но всё же согласитесь, что это совпадение было странным.

Ну даже если бы Ли Вэй нашёл сходство между Анной из прошлого и той Анной, которая является женой его друга, чтобы это изменило? На земле есть много людей, похожих друг на друга. Настало утро, и вдруг Ли Вэй понял, что всё это произошло из-за того, что он купил медальон Гуань-ди у старого учителя.

А ещё, вдумавшись, Ли Вэй понял, что тот старый торговец антиквариатом был удивительно похож на его дедушку из прошлого. И наконец Ли Вэй понял: все дороги ведут в Пекин. Чтобы понять смысл произошедшего, нужно было вернуться в город Пекин, на улицу антиквариата, и найти того старого учителя, который продал ему медальон Гуань-ди. Нужно было возвращаться домой. Поблагодарив мать, Ли Вэй отправился домой. Перед тем как зайти домой, мужчина постарался насколько мог успокоиться и застегнул фитнес-часы на запястье. Войдя в дом, он с опаской оглянулся, но, вероятно, со здоровьем сейчас у него всё было в порядке, потому что голос умного дома молчал. Вскоре Ли Вэй уже был на пути в Пекин.

Он вышел на нужной ему станции метро и прямо оттуда поднялся к рынку. Антикварный рынок Пекина кипел жизнью: узкие улочки забиты рядами лавок под навесами, воздух густой от запахов пыли веков, ладана и жареного мяса с уличных грилей; столы ломятся от нефритовых статуэток, древних монет, потрёпанных свитков каллиграфии, бронзовых курильниц и загадочных амулетов — всё это в хаотичном нагромождении, где барышники в потрёпанных куртках выкрикивают цены, туристы торгуются на ломаном китайском, а в тени — редкие настоящие реликвии из эпох Мин и Цин. Ничего не изменилось, ещё бы, ведь с последнего визита сюда прошло лишь несколько дней. Все были на месте. Шум разговоров, толпы людей, музыка, голоса торгующихся продавцов и покупателей — всё это создавало определённую атмосферу рынка. Впрочем, Ли Вэй никого не видел и не слышал, он шёл туда, где недавно купил медальон Гуань-ди. Однако его постигло разочарование. Старого продавца антиквариата у ворот не было. Ли Вэй хотел расспросить продавцов антиквариата, которые торговали прямо на улице, о старом антикваре, но павильоны уличных продавцов были далековато от ворот, и всё же Ли Вэй решил задать вопрос о старом продавце. Словоохотливая женщина-продавец была готова ответить на все вопросы Ли Вэя, но на вопрос, куда делся старый антиквар, у неё ответа не было. Ответа не было, потому что женщина была уверена, что около ворот никто недавно антиквариат не продавал. Это было запрещено. Торговать на этом рынке можно было на улице только в строго отведённых местах. Ли Вэй попытался возразить, он сказал женщине, что буквально несколько дней назад он купил у старого торговца антиквариатом занятную вещицу. Однако продавец настаивала на своём: прошли те времена, когда антиквариат можно было продавать, постелив газетку на асфальте. Конечно, женщина была права, потому что, оглянувшись, Ли Вэй увидел то, на что не обратил внимания в прошлый раз. Территорию огромного рынка антиквариата окружали по периметру множество камер, более того, через определённые промежутки времени на улицу из помещения рынка выходили ребята в форме, которые патрулировали эту территорию.

Время шло, а Ли Вэй так и не приблизился к разгадке амулета.

Можно было остаться ещё на денёк в Пекине, а можно было вернуться сразу домой. Ли Вэй шёл куда глаза глядят и вышел в парк. В парке проходил какой-то праздник: широкие газоны с фонтанами, окружённые ивами и пагодами, полны смеющихся семей; звучала громкая музыка, кричал ведущий в микрофон, а потом началось представление театральной труппы. Сюжет представления был Ли Вэю знаком, и он решил не смотреть спектакль. «Он уже совсем собрался выйти из парка, как вдруг услышал голос: „Мне не нравится сегодня вкус чая“, — сказал голос, — я не буду его пить. А ты?» Ли Вэй повернулся к говорившему и вдруг почувствовал головокружение и тошноту.

Тошнота скоро прошла. Ли Вэй поднял голову. Как вы помните, он хотел покинуть парк из-за того, что узнал сюжет театрального представления, но оказалось, что он снова в театре. Только театр этот был в другом городе и в другой стране. И даже в другом веке. Впрочем, всё это было неважно, потому что рядом с юношей сидела Анна и жаловалась на вкус чая, который слишком круто заварили, и поэтому чай казался горьким. Как ни в чём не бывало, девушка проговорила: «Ну, рассказывай дальше, сейчас перерыв, а потом после перерыва будет второе представление. Мне не терпится узнать, какие слова ты говорил тому человеку, чтобы убедить его приехать?»

— Я никуда не ездил, — смущённо улыбнулся Ли Вэй, — понимаешь, тут произошла такая история...

— Я поняла, — Анна хлопнула в ладоши, — ты не хочешь раскрывать интригу? Ты хочешь рассказать мне всё позже, когда спектакль закончится?

— Нет, дело не в этом, — юноша замялся, — понимаешь, я был не там, где ты думаешь, это гораздо дальше...

— Да-да, ты уже говорил, что нужный тебе человек жил совсем в другом стойбище, и тебе пришлось долго добираться по тайге. Удивительно, откуда у тебя этот талант ориентироваться в совершенно незнакомой тебе местности? Ведь ты уже не первый раз по просьбе бабушки отправляешься в такие странные места.

— Анна, — юноша сжал руку девушки, — я хочу рассказать тебе правду, может быть, после этого ты возненавидишь меня, но я не могу держать эту тайну в себе.

— Хорошо, — девушка подалась всем телом туда, где начинался новый спектакль китайской театральной труппы, — я выслушаю тебя с удовольствием, но только давай посмотрим спектакль.

Человек из стойбища

Как я уже говорила, Анна обожала спектакли. Она любила театр во всех его проявлениях: комедии, драмы, музыкальные постановки — ей нравилось абсолютно всё. Для девушки, которая знала китайский язык так же хорошо, как и русский, не имело значения, с русскими или китайскими актёрами проходить сегодня на спектакль. Впрочем, с небольшой поправкой: она предпочитала китайские спектакли русским, потому что там можно было уютно устроиться за низким столиком во время просмотра, лакомиться сушёными фруктами — мандариновыми дольками, курагой и сладкими ломтиками папайи — и потягивать ароматный китайский чай с лёгким привкусом жасмина. Актёры в ярких масках добавляли магии: красная маска с чёрными узорами означала мудрого и добродетельного героя, чёрная с белыми штрихами — коварного злодея, золотистая с перьями — могущественного генерала, а зелёная с роговыми наростами — грозного демона или бога. Спектакль, который они смотрели в тот день, рассказывал о легендарном полководце, сражающемся с ордой монголов: герой в красной маске клянётся защитить деревню, предаёт злодей в чёрной маске в засаде, а в финале побеждает демона-завоевателя, спасая императорский трон под звуки барабанов и флейт. После того как Анна узнала, что двери театра должны оставаться открытыми, чтобы боги из кумирни тоже могли насладиться представлением, она очень строго следила, чтобы никто, не знающий этого правила, не захлопнул за собой дверь.

Как я уже говорила, Анна не посещала гимназию, но это не значит, что ей не нужно было учиться. Учителя приходили к ней прямо домой. Вся неделя у Анны была расписана по часам и минутам, суббота отводилась дню, когда француженка-гувернантка занималась с ней французским языком. Абсолютно свободным днём у Анны был только воскресенье. Она ждала воскресенья, чтобы посмотреть, как можно больше спектаклей. Ну и, конечно, что тут лукавить, она всегда ждала воскресенья, чтобы увидеться с Ли Вэем.

Сегодня был именно тот день — воскресенье. Увлёкшись спектаклем, она не сразу заметила, что с её молодым человеком что-то не так. Ли Вэй был сегодня грустным. Анна предположила, что грусть, которую она прочитала в глазах юноши, возникла по той причине, что кумирню должны были снести. Для тех, кто подзабыл, я напомним историю первой кумирни. Начну издалека. После того как Владивосток стал превращаться в настоящий город, была построена христианская деревянная церковь. В город приезжали всё больше и больше китайцев, и через несколько лет для них решили возвести кумирню — небольшой буддийский храм. По согласованию с русскими властями кумирня была построена прямо в центре Владивостока, на пересечении улиц Светланской и Посъетской, в том месте, где улица Посъетская только начинает круто подниматься вверх. Кумирня была посвящена богу войны Гуань-ди. Город рос и развивался, но здание кумирни никому не мешало. Прежде чем заложить кумирню, китайские купцы долго совещались со специальным человеком о том, где именно она должна быть расположена по законам Фэн-шуй. Когда кумирня была построена, задумка оказалась верной: атмосфера в храме всегда оставалась благоприятной, люди, приходившие помолиться богу войны Гуань-ди, выходили довольными и просветлёнными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.